

ОТ СТАРОГО ПОРЯДКА К РЕВОЛЮЦИИ

к 200-летию Великой французской революции
Межвузовский сборник под ред. проф. *В.Г.Ревуненкова*

Л.: издательство ЛГУ. 1988

В сборнике рассматриваются основные проблемы политической истории Великой французской революции, 200-летие начала которой в 1989 г. готовится отметить все прогрессивное человечество. Статьи содержат материалы, опровергающие представления, которые пропагандирует буржуазная наука о неизменности социальных структур и политических институтов Старого порядка в послереволюционную эпоху. Особое внимание уделяется проблемам политической культуры. Книга предназначена для историков, обществоведов и читателей, интересующихся историей Франции.

Редколлегия: д-р ист. наук В.Г.Ревуненков (отв. ред.), д-р искусствоведения Н.Н.Калитина, д-р ист. наук Г.Л.Курбатов, д-р ист. наук Г.Р.Левин, канд. ист. наук А.Б.Егоров, канд. ист. наук Н.Е.Колосов, С.Н.Коротков (отв. секр.)

Рецензенты: д-р ист. наук Ю.В.Егоров (ЛГПИ им. А.И.Герцена)
Печатается по постановлению Редакционно-издательского совета Ленинградского университета.

Веб-публикация: [Vive Liberta](http://vive-liberta.ru), 1 вандемьера ССХХI года
Ссылки на тематически связанные материалы даны нами после текста статьи.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие

Текст здесь: <http://vive-liberta.diary.ru/p180910172.htm>

Ревуненков В.Г. (Ленингр. ун-т). Современные интерпретации Великой французской революции

Копосов Н.Е. (Ленингр. ун-т). Высшая бюрократия в политической системе Старого порядка

Озолинг А.Е. (Ленингр. ун-т). Французская памфлетистика при Старом порядке

Шпаковская И.А. (Ленингр. ун-т). Роль периодической печати в политической системе Старого порядка

Пименова Л.А. (Моск. ун-т). О некоторых особенностях дворянского сознания на исходе «века Просвещения» (по наказам дворянского сословия Генеральным штатам 1789 г.)

Текст здесь: <http://enlightment2005.narod.ru/arc/lpimen.pdf>

Лукьянец И.В. (Ленингр. ун-т). Этико-политические взгляды аббата Сен-Пьера (1658–1743)

Коротков С.Н. (Ленингр. ун-т). Финансовая политика Французской революции: характер и итоги

Текст

здесь:

http://enlightment2005.narod.ru/arc/cambon_tarle_korotkov.pdf

Искюль С.Н. (ЛОИИ АН СССР). Дворянские привилегии и дворянство в эпоху революции

Соколов О.В. (МИАИВВС). Высшие офицеры французской армии и революционное правительство 1792–1794 гг.

Куркина Ю.В. (БАН АН СССР). Вареннский кризис и французское общественное мнение (по материалам памфлетов эпохи Великой французской революции)

Плавинская Н.Ю. (ИВИ АН СССР). «Дух законов» Монтескье и публицистика Великой французской революции 1789–1799 гг.

Текст здесь: <http://www.montesk.info/article/plavin1.html>

Хлобыстин А.Л. (Гос. Эрмитаж). Л.-Л.Буальи – художник эпохи Великой французской революции (опыт социологической интерпретации)

Калитина Н.Н. (Ленингр. ун-т). О празднествах эпохи Великой французской революции

Владимир Георгиевич Ревуненко

СОВРЕМЕННЫЕ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ВЕЛИКОЙ ФРАНЦУЗСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Революция конца XVIII в. во Франции принадлежит к числу наиболее крупных событий не только в истории этой страны, но и во всемирной истории. С давних пор ее справедливо называют Великой французской революцией. Эта революция была первой в новой истории Европы буржуазной революцией, которая завершилась не частичной ломкой старого, не компромиссом между буржуазией и дворянством, как это было, например, в английской революции XVII в., а полной, бескомпромиссной победой буржуазии над дворянством, полным разрушением старого феодального общества и сложившегося на его основе абсолютистского государства. «Франция, — писал Ф. Энгельс, — разгромила во время великой революции феодализм и основала чистое господство буржуазии с такой классической ясностью, как ни одна другая европейская страна».¹

Французская революция конца XVIII в. имела неизмеримо большее международное значение, чем предшествовавшие ей буржуазные революции. Она смела отжившие средневековые порядки не только в самой Франции, но в известной мере и в соседних с нею странах, положив тем самым начало переходу от феодализма к капитализму на европейском континенте. «Возьмите великую французскую революцию, — говорил В. И. Ленин. — Она недаром называется великой. Для своего класса, для которого она работала, для буржуазии, она сделала так много, что весь XIX век, тот век, который дал цивилизацию и культуру всему человечеству, прошел под знаком

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 21. С. 259.

французской революции. Он во всех концах мира только то и делал, что проводил, осуществлял по частям, доделывал то, что создали великие французские революционеры буржуазии».²

Французская революция конца XVIII в. прошла под руководством буржуазии, которая была тогда классом восходящим, передовым, выступавшим против феодализма и абсолютизма в союзе с народом. Но, будучи классом эксплуататорским, буржуазия уже в ту эпоху проявила и известную непоследовательность, а некоторые ее слои и прямую контрреволюционность, когда процесс ломки старого приобрел такую глубину и силу, которые грозили поколебать и ее собственные классовые привилегии. Главной движущей силой этой революции, буржуазной по своему социально-экономическому содержанию и конечным результатам, были народные массы, т. е. крестьянство и городской плебс, которые не шли пассивно за буржуазией, а выступали самостоятельно, со своими методами борьбы, наложив на ход революции «отпечаток своих требований, своих попыток по-своему построить новое общество, на место разрушаемого старого».³

Особенно велика была роль в революции парижского плебса, парижских санкюлотов, которые являлись не только ее ударной силой, творцами исторических дней 14 июля, 10 августа и 31 мая, но и ее политическим авангардом. Ф. Энгельс подчеркивал, что «буржуа на этот раз, как и всегда, были слишком трусливы, чтобы отстаивать свои собственные интересы; что, начиная с Бастилии, плебс должен был выполнять за них всю работу; что без его вмешательства 14 июля, с 5—6 октября до 10 августа, 2 сентября и т. д. ancien régime неизменно одерживал бы победу над буржуазией, коалиция в союзе с двором подавила бы революцию и что, таким образом, только эти плебеи и совершили революцию».⁴

Еще в либерально-буржуазной историографии XIX — начала XX вв. сложилось представление о Великой французской революции как об одной и единой революции, прошедшей в своем развитии ряд этапов. Правда, о хронологических рамках революции и ее внутренней периодизации историки спорили. Французские историки периода реставрации (Ф. Минье, А. Тьер), которые собственно первыми увидели в этой революции акт классовой борьбы между буржуазией и дворянством, понимали под нею период 1789—1814 гг., т. е. считали и консулат, и империю Наполеона закономерными этапами развития революции.⁵ А. Олар, глава буржуазно-республиканской школы в историографии Французской революции, сложившейся на рубеже XIX

² Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 38. С. 367.

³ Там же. Т. 33. С. 39.

⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 37. С. 126.

⁵ См., напр.: Mignet F. Histoire de la Révolution française: Depuis 1789 jusqu'en 1814. Т. 1—2. Paris, 1824.

и XX вв., отказывался признавать «императорский деспотизм» фазой революции и ограничивал ее периодом 1789—1804 гг.⁶ Представители известной «русской школы» историков Французской революции (Н. И. Кареев, Е. В. Тарле) исключали из числа этапов развития революции и консулат, т. е. понимали под нею период 1789—1799 гг.⁷

В новейшей французской буржуазной историографии возобладали тенденция делить революцию конца XVIII в. на ряд либо вполне самостоятельных революций («революция 14 июля», «революция 10 августа», «революция 2 июня», «революция 9 термидора» и пр.), либо автономных революций, т. е. революций, совпадавших во времени, но развивавшихся вполне самостоятельно («дворянская революция», «буржуазная революция», «крестьянская революция», «санкюлотская революция»). Начало такому подходу положил левобуржуазный историк А. Матьез, главные труды которого вышли в 20-е годы. Матьез считал, что во Франции той эпохи произошли четыре последовательно сменявшие друг друга революции: дворянский бунт 1787 г., буржуазная революция 1789 г., демократическая и республиканская революция 1792 г. и, наконец, революция 2 июня 1793 г., представлявшаяся ему попыткой осуществления социальной демократии. Крайне идеализируя Робеспьера, Матьез видел в перевороте 9 термидора не грань между восходящей и нисходящей линиями революции, а конец революции (т. е., как ему представлялось, — конец всего цикла революций).⁸

Современные французские буржуазные историки Ф. Фюре и Д. Рише начисто отвергают «традиционное» представление о революции конца XVIII в. как о «единой революции», к тому же революции антифеодальной, ускорившей развитие Франции по капиталистическому пути. Они предлагают «новую интерпретацию» этой революции, как якобы имевшей пагубные последствия для дальнейшего развития капитализма в стране и представлявшей собой переплетение трех совпавших во времени, но совершенно различных революций: революции либерального дворянства и буржуазии, отвечавшей как духу философии XVIII в., так и интересам капиталистического развития; архаичной по своим целям и результатам крестьянской революции, не столько антифеодальной, сколько антибуржуазной и

⁶ Aulard A. Histoire politique de la Révolution française: Origines et développement de la démocratie et de la république (1789—1804). Paris, 1901 (русск. перевод: Олар А. Политическая история Французской революции. М., 1938).

⁷ См., напр.: Тарле Е. В. Рабочие национальных мануфактур во Франции в эпоху революции (1789—1799). СПб., 1907.

⁸ Mathiez A. La Révolution française. Т. 1—3. Paris, 1922—1927 (русск. перевод: Матьез А. Французская революция. Т. I—III. М.; Л., 1925—1930).

антикапиталистической; и революции санкюлотской, враждебной капиталистической концентрации и потому по существу своему реакционной. Эти авторы утверждают, что из-за народного движения, «движения нищеты и гнева», революция «сбилась с пути», что ее «занесло», особенно на этапе якобинской диктатуры, и что лишь переворот 9 термидора положил конец «отклонению» революции от ее либеральных и буржуазных задач.⁹

В марксистской историографии Французская революция рассматривается как сложный, многосторонний, но внутренне единый процесс, прошедший через определенные этапы своего развития. Правда, хронологические рамки революции и в марксистской литературе определялись по-разному.

К. Маркс и Ф. Энгельс разделяли представление историков периода реставрации о первой Французской революции как революции 1789—1814 гг. Это явствует из многих их высказываний. Так, например, в работе Маркса «Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта» (1852 г.) мы читаем: «революция 1789—1814 г. драпировалась поочередно то в костюм Римской республики, то в костюм Римской империи». ¹⁰ А вот что писал Ф. Энгельс в работе «Внешняя политика русского царизма» (1890 г.): «Победа над Наполеоном была победой европейских монархий над французской революцией, последней фазой которой являлась наполеоновская империя». ¹¹

Место «наполеоновской эры» в общем ходе буржуазного преобразования Франции и Европы Маркс определял так: «Камилль Демулен, Дантон, Робеспьер, Сен-Жюст, Наполеон... осуществляли в римском костюме и с римскими фразами на устах задачу своего времени — освобождение от оков и установление современного буржуазного общества. Одни вдребезги разбили основы феодализма и скосили произрастающие на его почве феодальные головы. Другой создал внутри Франции условия, при которых только и стало возможным развитие свободной конкуренции, эксплуатация парцеллированной земельной собственности, применение освобожденных от оков промышленных производительных сил нации, а за пределами Франции он всюду разрушал феодальные формы в той мере, в какой это было необходимо, чтобы создать для буржуазного общества во Франции соответственное, отвечающее потребностям времени окружение на европейском континенте». ¹²

В. И. Ленин, уточняя и развивая марксову теорию буржуазно-демократической революции, выдвинул положение о бонапартизме как особой форме буржуазной контрреволюции, внеся тем самым определенную поправку и в марксову периодизацию

⁹ Furet F., Richet D. La Révolution. Т. 1—2. Paris, 1965—1966.

¹⁰ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 8. С. 119.

¹¹ Там же. Т. 22. С. 32.

¹² Там же. Т. 8. С. 120.

первой Французской революции. «История Франции показывает нам, — писал он, — что бонапартистская контрреволюция выросла к концу XVIII века (а потом второй раз к 1848—1852 гг.) на почве контрреволюционной буржуазии, прокладывая в свою очередь дорогу к реставрации монархии легитимной. Бонапартизм есть форма правления, которая вырастает из контрреволюционности буржуазии в обстановке демократических преобразований и демократической революции».¹³

В советской исторической литературе долгое время господствовало представление о Великой французской революции как революции 1789—1794 гг. переворот 9 термидора оценивался почти всеми советскими историками не просто как реакционный буржуазный переворот, направивший развитие революции по нисходящему пути, а как «конец революции», что искажало всю дальнейшую картину событий. «9 термидора было последним днем революции, — писал, например, А. З. Манфред. — С гибелью Робеспьера... закончилась последняя глава Великой французской революции».¹⁴ Отход от этих антиисторичных и идущих не от Маркса и Ленина, а фактически от Матьеза оценочек наметился лишь в последние годы. Так, в известном коллективном труде советских ученых по истории Франции подчеркивается, что первая Французская революция закончилась отнюдь не 9 термидора. «Этим днем закончилась поступательная линия в развитии революции, — читаем мы там, — начался ее упадок, завершившийся установлением личного, авторитарного режима Наполеона Бонапарта».¹⁵

Видные зарубежные историки-марксисты А. Собоуль и В. Марков также отвергают представление о перевороте 9 термидора как о «закончительном акте» революции. «Захват власти термидорианской буржуазией, — пишут они, — завершил не революцию, а ее восходящую фазу, вершиной которой была... якобинская диктатура».¹⁶

Таким образом, есть все основания считать, что Великая французская революция охватывает не четверть века (1789—1814), как это принималось в исторической науке при жизни К. Маркса и Ф. Энгельса, и не пятилетие (1789—1794), как это представлялось многим советским историкам, а десятилетие (1789—1799 гг.), причем она развивалась сначала по восходящей, а затем по нисходящей линии.

Аристократическая «предреволюция» 1787—1788 гг. послу-

¹³ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 34. С. 83.

¹⁴ Манфред А. З. Французская буржуазная революция конца XVIII века (1789—1794). М., 1950. С. 158.

¹⁵ История Франции. Т. 2. / Под ред. А. З. Манфреда, В. М. Далина, В. В. Загладина. М., 1973. С. 71.

¹⁶ Markov W., Soboul A. 1789. Die Grosse Revolution der Franzosen. Berlin, 1975. S. 387.

жила своеобразной прелюдией к революции, а наполеоновский консулат 1799—1804 гг. стал ее эпилогом.¹⁷

Главной особенностью восходящей линии революции являлось то, что на каждом ее следующем этапе к власти приходили все более радикальные группировки буржуазии, все более возрастало влияние народных масс на ход событий, все более последовательно решались задачи буржуазно-демократического преобразования страны. Наоборот, смысл переворота 9 термидора заключался именно в том, что демократические элементы буржуазии были отстранены от власти, с влиянием народных масс на законодательство и управление было покончено, а развитие революции направлено по пути, выгодному исключительно буржуазной верхушке общества. «27 июля Робеспьер пал, и началась буржуазная оргия», — писал Ф. Энгельс.¹⁸

Основными вехами поступательного развития революции были три парижских народных восстания: восстание 14 июля 1789 г., которое сломало абсолютизм и привело к власти крупную либерально-монархическую буржуазию (конституционалистов); восстание 10 августа 1792 г., которое фактически низвергло монархию и привело к власти республиканскую крупную буржуазию (жирондистов); восстание 31 мая—2 июня 1793 г., которое низвергло господство Жиронды, хотевшей республики только для богатых, и передало власть в руки «наиболее последовательных буржуазных демократов — якобинцев эпохи великой французской революции».¹⁹

Якобинцы представляли революционное крыло французской буржуазии того времени, способное осуществлять политику союза с народом, а Жиронда — ее оппортунистическое крыло. Именно в этом видел существо различий между Горой и Жирондой В. И. Ленин, который писал: «представители передового класса XX века, пролетариата, т. е. социал-демократы, разделяются на такие же два крыла (оппортунистическое и революционное), на какие разделялись и представители передового класса XVIII века, буржуазии, т. е. жирондисты и якобинцы».²⁰

В. И. Ленин высоко ценил заслуги якобинцев, давших «лучшие образцы демократической революции и отпора коалиции монархов против республики».²¹ Ленин особенно подчеркивал связь якобинцев с народом (причем уточнял: именно в 1793 г.!), видя в этом источник их силы в борьбе против внутренней контрреволюции и иностранных интервентов. «Историческое ве-

¹⁷ А. Собоуль и В. Марков относят к «эпилогу» революции всю «наполеоновскую эру». Последняя глава их совместной книги носит название «Der Rücklauf der Revolution: Vom Thermidor zum Kaiserreich» и освещает ход событий до 1815 г.

¹⁸ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 37. С. 127.

¹⁹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 10. С. 203.

²⁰ Там же. Т. 11. С. 48.

²¹ Там же. Т. 32. С. 374.

личие настоящих якобинцев, якобинцев 1793 года, состояло в том, — писал он, — что они были «якобинцы с народом», с революционным большинством народа, с революционными передовыми классами своего времени».²² Однако существо ленинской оценки якобинцев не исчерпывается указанием на их тесную связь с народом в 1793 г. Ленин видел не только сильные стороны якобинцев, не только их заслуги, но и их слабости, ошибки, которые обусловили в дальнейшем их отрыв от народа и крушение якобинской диктатуры. Он ссылался именно на опыт якобинцев периода 1793—1794 гг. как на доказательство того, что «мелкобуржуазная демократия не способна удержать власти, служа всегда лишь прикрытием диктатуры буржуазии, лишь ступенькой к всевластию буржуазии».²³

В буржуазной историографии якобинской диктатуре даются самые различные оценки: от сугубо негативных до более взвешенных и даже идеализированных, апологетичных. Наиболее злоую карикатуру на «правительство террора» (как обычно именуют якобинскую диктатуру буржуазные историки) создали Ип. Тэн, отразивший в своих трудах по истории первой Французской революции тот страх перед революцией как таковой, который внушила буржуазии Парижская коммуна 1871 г.²⁴ Тэн представил якобинскую диктатуру как систему насилий и убийств, при помощи которой якобинское меньшинство захватило власть и удерживало ее якобы вопреки воле большинства нации. Тэн особо подчеркивал, что эта система была направлена своим острием против знатных и богатых. Обстановку в Франции тех лет он рисовал в таких тонах: «Вот, с одной стороны, вне закона, в изгнании, в тюрьме, на эшафоте — избранная часть населения Франции, почти все люди благородного происхождения, богатые, заслуженные, выдающиеся умом, культурой, талантом и достоинствами, и вот, с другой стороны над законом, во всем могуществе — безответственные диктаторы, подонки всех классов, шарлатаны, звери и преступники».

А. Олар признал неисторичным подобное огульное отрицание у создателей «системы террора» иных мотивов, кроме стремления к власти и господству. Сам он видел в нем своеобразный режим общественного спасения, вызванный к жизни иностранным нашествием и внутренними мятежами. Олар решительно отверг тезис Тэна о «господстве черни» при Робеспьере. «Своего рода историческая иллюзия, — писал он, — заставляла казаться правительством Робеспьера и второго Комитета общественного спасения... опирающимся главным образом на

парижскую чернь. В действительности же, если оно заботилось о прокормлении этой черни с целью предупредить мятежи (чего оно и достигло)... то, с другой стороны, этот же Комитет неуклонно применял поистине буржуазные законы против коалиций рабочих».²⁶

Если Олар подчеркивал преимущественно патриотическую направленность в деятельности «правительства террора», то А. Матьез приписывал этому правительству далеко идущие планы социального переустройства. Матьез утверждал, что Робеспьер и его партия стремились «поднять до социальной жизни всех вечно обездоленных»; что они «хотели использовать террор для нового переустройства собственности»; что когда они принимали вантозские декреты, то перед их умственным взором стояла «республика, построенная на принципе равенства, без богатых и бедных». «Робеспьер пошел дальше политической демократии. Он шел к социальной революции, и это было одной из причин его падения», — заключал он.²⁷

Но всякое искажение истории мстит за себя. Представив якобинскую диктатуру подлинно народной по своему характеру, а ее социально-экономическую политику отвечающей интересам всех обездоленных, Матьез оказался не в состоянии научно объяснить такой бесспорный исторический факт, как возникновение «плебейской оппозиции» к робеспьеровскому правительству, которую он изображает в самом превратном свете.

«Бешеные», которые первыми осознали ограниченность социально-экономической политики якобинцев и подвергли ее справедливой критике, являлись для Матьеза «сеятелями подозрений, зачинщиками насилий и анархии». Матьез доказывал, что Робеспьер «оказал революции значительную услугу, освободив ее от демагогии „бешеных“». Матьез считал, что и эбертисты выражали недовольство Робеспьером не потому, что имели более передовую социальную программу. «Но большинство из них, — писал он, — жаждало не столько осуществить ту или иную социальную программу, сколько удовлетворить свое честолюбие и мстительную злобу. У них не было, строго говоря, никакого представления о социальной политике».²⁸

Эти оценки обнаруживают лишь буржуазную ограниченность самого Матьеза, который не мог допустить, что в ходе революции должны были оформиться революционные течения, идущие дальше робеспьеристов, и что именно эти течения выражали интересы городской и сельской бедноты.

Советские историки всех поколений высоко оценивали историческую роль якобинцев и якобинской диктатуры. Но уже классовая природа якобинства понималась у нас по-разному.

²² Там же. С. 216.

²³ Там же. Т. 44. С. 11.

²⁴ Taine H. Les origines de la France contemporaine. T. 1—6. Paris 1877—1893 (русс. перевод: Тэн И. Происхождение современной Франции. Т. 1—5. СПб., 1907).

²⁵ Тэн И. Происхождение современной Франции. Т. 4. С. 198.

²⁶ Олар А. Политическая история Французской революции. С. 549.

²⁷ Матьез А. Французская революция. Т. 3. С. 144, 206; Mathiez A. La réaction thermidorienne. Paris, 1929. P. 2.

²⁸ Матьез А. Французская революция. Т. 3. С. 37—38, 146.

Н. М. Лукин, книга которого о Робеспьере, изданная в 1919 г., положила начало специальным изысканиям советских ученых в области изучения Французской революции, видел в якобинцах партию мелкой буржуазии, опирающуюся на поддержку крестьянско-плебейских масс. Я. М. Захер первоначально разделял эту точку зрения, но в дальнейшем пришел к выводу, что якобинцев нужно считать представителями революционной буржуазии в широком смысле этого слова, включая и определенные слои крупной буржуазии. А. З. Манфред отказывался признавать якобинцев представителями только тех или иных слоев буржуазии и понимал под ними партию блока мелкой и средней буржуазии, крестьянства и плебейства.²⁹

Н. М. Лукин считал долгом историка-марксиста дать Робеспьеру четкую классовую характеристику. «Его оценка Робеспьера, — писал он, — будет далека как от злостной карикатуры Тэна, так и от безоговорочной апологии Амеля. Для него Робеспьер прежде всего — представитель определенного класса... мелкой французской буржуазии». ³⁰ Лукин упрекал Матьеза именно в том, что он не хотел видеть в Робеспьере «выразителя интересов определенного класса — мелкой зажиточной буржуазии», что у него Робеспьер, «этот наиболее подлинный представитель демократии», стоит «выше всех партий», что для него «существуют только интересы революции». ³¹ Напротив, А. З. Манфред считал ошибочным искать для Робеспьера «точный социальный эквивалент и жесткую этикетку, причисляя его к той или иной категории средней или низшей буржуазии. Лучше всего, если мы скажем, что Робеспьер представлял и защищал интересы французского народа в революции», — утверждал он. ³²

По-разному определялся у нас и характер якобинской диктатуры. Лукин и его ученики рассматривали якобинскую диктатуру как «диктатуру низов», т. е. как революционную власть, созданную без участия крупной и средней буржуазии и направленную не только против сил феодальной реакции, но в известной мере и против самой буржуазии. Напротив, Я. М. Захер отстаивал положение о буржуазной природе якобинской диктатуры и подчеркивал, что она слагалась не только как орудие подавления роялистско-жирондистской контрреволюции.

²⁹ Лукин Н. М. Максимилиан Робеспьер. М., 1919; Захер Я. М. 1) Робеспьер. М.; Л., 1925; 2) Движение «бешеных». М., 1961; Манфред А. З. Французская буржуазная революция конца XVIII века (1789—1794). М., 1950.

³⁰ Лукин Н. М. Избр. труды. Т. 1. М., 1960. С. 149. — Э. Амель — мелкобуржуазный панегирист Робеспьера, издавший в 1865—1867 гг. трехтомный труд „Histoire de Robespierre”.

³¹ Лукин Н. М. Альбер Матьез // Историк-марксист. 1932. Т. 3. С. 72.

³² Манфред А. З. О природе якобинской власти // Вопросы истории. 1969. № 5. С. 100.

но и как орудие обуздания и подчинения буржуазии плебейского движения.

Лукин представлял себе якобинскую «диктатуру низов» как власть мелкой буржуазии, которую поддерживали и на которую оказывали влияние крестьянско-плебейские массы. «Власть остается в руках „низших слоев тогдашней буржуазии”, руководящее положение в правительстве сохраняется за робеспьеристами, партией революционной мелкой буржуазии», — подчеркивал он. ³³ Напротив, А. З. Манфред утверждал, что после победы восстания 31 мая — 2 июня 1793 г. «власть в стране перешла от жирондистской буржуазии к блоку демократической буржуазии, крестьянства и плебейства». ³⁴

А. Л. Нарочницкий впервые в нашей литературе показал, что среди монтаньяров имелось сильное и влиятельное правое крыло, выражавшее интересы определенной части крупной и средней буржуазии, преимущественно той, которая нажила свои капиталы в годы революции. К этому крылу он относил дантолистов и таких деятелей, как Камбон, Барер и «великие специалисты» Комитета общественного спасения — Карно, Р. Ленде и Приёр из Кот д'Ор. «Это были буржуазные деятели, смелые и энергичные, — писал он, — но совершенно чуждые какому-либо мелкобуржуазным уравнивательным идеям... Они решились на временное установление революционной диктатуры и на уступки народу ради победы над коалицией, защиты и укрепления буржуазной Франции». ³⁵ Что касается группировки Робеспьера и Сен-Жюста, которая заняла с лета 1793 г. руководящее положение в Комитете общественного спасения, то А. Л. Нарочницкий указывал, что при всех свойственных этой группировке умеренно-уравнивательных стремлениях она все же стояла ближе к буржуазии, чем к народным массам. «Робеспьер, — писал он, — вовсе не был сторонником полного равенства имуществ и хотел лишь уничтожить нищету. С этой точки зрения Робеспьер стоял гораздо ближе к представителям богатой буржуазии, чем к радикальным уравнивателям из плебейской среды». ³⁶

Господством буржуазии и верхних, зажиточных слоев мелкой буржуазии в Конвенте и во всех без исключения правительственных комитетах Нарочницкий и объяснял то обстоятельство, что при всем том большом влиянии, которое оказали народные массы на социально-экономическую политику якобин-

³³ Лукин Н. М. Избр. труды. Т. 1. С. 359—360.

³⁴ Манфред А. З. О природе якобинской власти. С. 102.

³⁵ Нарочницкий А. Л. Вопросы войны и мира во внешней политике якобинской республики летом 1793 г. // Учен. зап. Моск. пед. ин-та им. В. И. Ленина. 1949. Т. 58. Вып. 2. С. 86.

³⁶ Нарочницкий А. Л. Раскол среди якобинцев и внешняя политика якобинской республики с января до апреля 1794 г. // Там же. 1946. Т. 37. Вып. 3. С. 120.

ской диктатуры, эта политика «никогда не была чисто мелкобуржуазной или чисто плебейской, а всегда оставалась связанной с задачами капиталистического развития Франции. Она подтверждает то положение, что якобинцы в целом были наиболее смелыми и решительными представителями революционного класса своего времени — буржуазии».³⁷

«Бешеные» и эбертисты также оценивались в советской литературе по-разному. Для Я. М. Захера понятия «плебейское движение» и «бешеные» полностью совпадали. Вплоть до последних лет своей жизни (когда он стал более справедливо оценивать эбертистов) этот историк считал, что выразителями интересов и руководителями парижских санкюлотов, плебса были «бешеные», одни только «бешеные». «Санкюлоты или плебейские массы в целом — вот тот социальный слой, интересы которого представляли Жак Ру, Варле, Леклерк», — утверждал он.³⁸

С. Л. Сытин видел в Жаке Ру, Варле и Леклерке «предпролетарских революционеров» и пытался доказать, что движение плебейских масс Парижа за удовлетворение своих социально-экономических требований летом 1793 г. развертывалось «под руководством Ру и Леклерка». Эбертистов этот автор считал «мелкобуржуазными революционерами», представителями «одной из группировок левых якобинцев», а Парижскую коммуну 1793—1794 гг. без обиняков объявлял «мелкобуржуазной».³⁹

Иначе оценивал роль «бешеных» и эбертистов Нарочницкий. «Можно считать, что за „бешеными“ шла лишь незначительная часть плебейства, — писал он. — Главная масса городской бедноты шла за Парижской коммуной и эбертистами... За их [Шометта и Эбера] спиной стояли многочисленные массы городских ремесленников, рабочих, бедноты».⁴⁰

Нарочницкий обратил внимание также на то, что парижский плебс, санкюлоты имели мало сторонников в Конвенте и совсем не были представлены в правительственных комитетах. «Но главные силы и непосредственные вожаки плебейства, — писал он, — находились вне Конвента и вне Комитета общественного спасения — источник влияния плебейских масс был в секциях Парижской коммуны, в клубах, народных обществах и революционных комитетах».⁴¹

В последние два-три десятилетия за рубежом опубликован

ряд трудов историков-марксистов, посвященных парижским санкюлотам и их взаимоотношениям с правительством якобинской диктатуры. Наибольшую известность из этих трудов приобрело фундаментальное исследование Альберта Собуля «Парижские санкюлоты во II году», вышедшее первым изданием в 1958 г. и с тех пор неоднократно переиздававшееся во Франции и переведенное на многие иностранные языки.⁴² Значение этой книги Собуля, а также работ Вальтера Маркова, Жоржа Рюде и других ученых заключается не только в том, что они существенно расширяют наши представления о парижских санкюлотах, но и по-новому ставят некоторые коренные вопросы истории Французской революции, такие, например, как вопрос о социальной структуре плебса, о классовой природе якобинцев, о характере якобинской диктатуры и др.

Собуль проводит четкое различие между якобинцами и санкюлотами, понимая под первыми представителей революционной буржуазии, а под вторыми — широкие массы неимущих и низшие слои мелкой ремесленной буржуазии. «Существовало социальное противоречие между якобинцами, вышедшими почти исключительно из рядов буржуазии, — мелкой, средней и даже крупной, с одной стороны, и санкюлотами — с другой», — пишет он, подчеркивая одновременно, что под санкюлотами надо понимать не только поденщиков и подмастерьев, но и ремесленных мастеров, мелких лавочников и другие мелкособственнические элементы.⁴³

Собуль собрал большой и в значительной своей части свежий документальный материал, характеризующий социально-экономические и политические взгляды санкюлотов, а также обстоятельно проанализировал взаимоотношения между санкюлотами и правительством якобинской диктатуры. Этот материал со всей очевидностью показывает, что санкюлоты и якобинцы, борясь совместно против роялистско-жирондистской контрреволюции, по-разному понимали коренные социальные и политические проблемы своего времени, причем взгляды санкюлотов являлись более передовыми и более отвечали интересам дальнейшего развития и углубления буржуазно-демократической революции, чем взгляды якобинцев. Правда, этого последнего вывода сам Собуль не делает. Наоборот, он пытается доказать, что социальные идеалы санкюлотов были несовместимы с потребностями капиталистического развития Франции, а их политические идеалы — с потребностями обороны страны и необходимостью диктатуры в интересах общественного спасения. Однако факты и материалы, которые собрал Собуль, говорят сами за себя.

⁴² Soboul A. Les sans-culottes parisiens en l'an II. La Roche-sur-Yon, 1958 (русск. перевод: Собуль А. Парижские санкюлоты во время якобинской диктатуры. М., 1966).

⁴³ Собуль А. Парижские санкюлоты... С. 525.

³⁷ Нарочницкий А. Л. Вопросы войны и мира... С. 87.

³⁸ Захер Я. М. Движение «бешеных». С. 31.

³⁹ Сытин С. Л. Борьба плебейских масс Парижа во главе с Ру и Леклерком за удовлетворение своих социально-экономических требований в июле — сентябре 1793 г. // Учен. зап. Ульяновск. пед. ин-та им. И. Н. Ульянова. 1956. Вып. VIII. С. 254—255, 288—290.

⁴⁰ Нарочницкий А. Л. Вопросы войны и мира... С. 67.

⁴¹ Там же. С. 86.

Санкюлотское движение не поднялось еще до понимания необходимости ликвидации частной собственности и замены ее коллективной собственностью. Ремесленные мастера и мелкие лавочники были фанатично привязаны к своей собственности, а наемные рабочие и подмастерья, жившие бок о бок со своими хозяевами и подвергавшиеся повседневному воздействию с их стороны, сами мечтали стать собственниками. Но к крупной собственности помещиков и капиталистов относились с нескрываемой враждебностью. «Являясь посредственными производителями, — пишет Собуль, — они считали, что только личный труд узаконяет собственность. Они мечтали об обществе мелких собственников, где каждый дел бы своим полем, своей мастерской, своей лавкой».⁴⁴

Противоречивость подобной социальной программы, ее мелкобуржуазность очевидны. Но столь же очевидно и ее революционное значение. Идея равенства мелких собственников, утилитарная сама по себе и даже реакционная, если речь идет о социалистической революции, наиболее полно и последовательно выражает задачи буржуазно-демократической революции, когда речь идет прежде всего о том, чтобы покончить с крупной феодальной собственностью.⁴⁵ Эта социальная программа была нацелена не на то, чтобы помешать развитию капитализма в стране, как это полагают многие современные французские историки, а на то, чтобы направить это развитие по самому выгодному для народа пути, по так называемому «американскому пути», по которому Французская революция сделала лишь первые шаги.

Столь же передовые идеи выдвигали санкюлоты и в политической области. Господствуя на высшем этапе революции Коммуне Парижа и парижских секциях, санкюлоты практиковали свои особые приемы осуществления демократии, которые являются нам концепцию демократии, совершенно отличную от ее буржуазной концепции. Во-первых, санкюлоты не считали, что роль народа в управлении государством должна ограничиваться лишь избранием депутатов в Конвент и местные органы власти. Они отстаивали право избирателей давать наказы своим депутатам, контролировать их деятельность и в случае необходимости отзываться их. Во-вторых, санкюлоты считали, что право голоса, правом занимать общественные должности и другим политическими правами могут обладать лишь «чистые граждане», т. е. те, кто доказал свою верность революции или в меньшей мере ничем себя не скомпрометировал. Граждан, которых подозревали во враждебном отношении к революции лишали всяких политических прав, а иногда и просто изгоняли из общих собраний секций. К этому нужно добавить, что и

но парижские секции осуществляли подлинно «плебейский» террор, т. е. тот террор, который был направлен не только против дворян и священников, но в известной мере и против самой буржуазии, преимущественно против ее спекулятивных элементов. Политические порядки, сложившиеся в 1792—1794 гг. в Коммуне Парижа и парижских секциях, представляли собой не что иное, как зачаток революционной власти того типа, который В. И. Ленин называл «революционно-демократической диктатурой низших классов».⁴⁶ Эта была власть действительно «низших классов», т. е. мелкой ремесленной буржуазии и тогдашних рабочих. Это была власть, которая оказывала большое влияние на Конвент и фактически приобрела значение «второй власти» в государстве.

Что касается якобинской диктатуры, то Собуль справедливо видит в ней революционную буржуазную власть, которая в борьбе против роялистско-жирондистской контрреволюции опиралась на народ, на народные организации, но которая не могла примириться с социальными и политическими тенденциями, проявившимися в парижских секциях. «Народные приемы осуществления демократии, — пишет он, — были несомненно совместимы с образом действия и концепциями буржуазии, они угрожали ее интересам и ее господству. Это противоречие могло быть разрешено в объективных условиях той эпохи лишь путем обуздания парижских секций. Но это сломало порыв народного движения... Так прокладывался путь к Термидору, разбиравшему народную мечту об эгалитарной республике».⁴⁷

Якобинская диктатура была высшей ступенью в развитии Французской революции. Ее историческая роль огромна. Именно она довела до самого конца великое дело уничтожения феодальных порядков во французской деревне, подавила роялистско-жирондистские мятежи и организовала победу над коалицией европейских монархов. Исторически оправданным было и ограничение якобинцами формальной демократии, и применение ими такого острого оружия политической борьбы, как террор. Но якобинская диктатура была все же диктатурой буржуазного типа. Она облегчила возможность как для зажиточного, так в известной мере и для среднего крестьянства увеличить свою собственность за счет конфискованных владений церкви и дворян-эмигрантов, которые стали распродаваться на более льготных условиях. В пользу же крестьянской бедноты, не имевшей средств для покупки земли на торгах, предпринимались лишь частичные, половинчатые меры, которые мало что меняли в ее положении. Максимум на товары (твердые цены),

⁴⁴ Soboul A. Les sans-culottes parisiens en l'an II. P. 503.

⁴⁵ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 15. С. 225—226.

⁴⁶ Там же. Т. 10. С. 13.

⁴⁷ Собуль А. Из истории Великой буржуазной революции 1789—1794 годов и революции 1848 года во Франции. М., 1960. С. 133.

введенный под давлением народных «низов», она дополнила максимумом на заработную плату, фактически снижавшим заработки рабочих и вызвавшим их сильное недовольство, даже стачки, которые сурово подавлялись. Ограничения демократии и террор применялись не только против дворянско-буржуазной реакции, но и против плебейских элементов, против «бешеных», против эбертистов. Именно буржуазная ограниченность революционной якобинской власти, ее растущий отрыв от народных «низов» и создали предпосылки для термидорианского переворота, совершенного теми элементами буржуазии, которые выступали вообще против всяких уступок народу в социальной области.

Прологом термидора явились казни жерминаля II г. (март — апрель 1794 г.), когда погибли Эбер, Шометт и другие руководители Парижской коммуны, подвергшейся после этого чистке и утратившей те черты, которые делали ее зачатком власти общественных «низов». Совершив этот пагубный для судеб революции акт, якобинское правительство лишилось доверия и поддержки парижских санкюлотов, что и позволило перерожденцам и нуворишам сравнительно легко свергнуть его 9 термидора.

Еще Лукин подметил, что именно в результате событий марта — апреля 1794 г. «распадается блок между робеспьеристской мелкой буржуазией и „общественными низами“... Казнь эбертистов сопровождалась разгромом важнейших массовых организаций (внепарламентского типа — Парижской коммуны, Клуба кордельеров, революционной армии), на которые опиралась якобинская диктатура. Робеспьеровцы переставали быть „якобинцами с народом, с революционным большинством народа“. Это означало ослабление самого революционного правительства и ускорение его гибели».⁴⁸

К такому же выводу приходит и Собуль. «Драма жерминаля была решающей, — пишет он. — Осудив в лице руководителей кордельеров народное движение в его своеобразных формах, революционное правительство оказалось во власти умеренных... Нажав на все пружины, оно еще некоторое время могло противостоять их натиску. Но в конце концов оно погибло, не сумев обрести поддержки и доверия народа».⁴⁹

Движение революции по нисходящей линии, начавшееся 9 термидора и окончательно закрепленное поражением парижских санкюлотов в жерминале и прериале III г. (апрель — май 1795 г.), завершилось государственным переворотом 18 брюмера VIII г. (9 ноября 1799 г.), в результате которого во Франции установился личный, авторитарный режим Наполеона Бо-

напарта, переросший в дальнейшем в новую разновидность монархии буржуазного типа.

Нисходящая линия революции не представляла собой отступления в сторону феодального прошлого, напротив, она означала укрепление и дальнейшее развитие социальных порядков, покоящихся на частной капиталистической собственности и системе наемного труда. Эта линия предполагала лишь одно: подавление народного движения, отстранение народных масс от всякого участия в управлении государством, ограничение демократических прав и свобод. Именно в этом буржуазия видела гарантию своих социальных привилегий, но именно это обернулось в конечном итоге против нее самой, проложив путь сначала к империи Наполеона, еще буржуазной по своему существу, а затем и к реставрации полуфеодальной монархии Бурбонов. Что касается «наполеоновской эры» (1799—1814), то ее нельзя ни отождествлять с эпохой революции, ни отрывать от нее. Режим Наполеона — это действительно «бонапартистская контрреволюция», которая окончательно задушила народную революцию, ликвидировала последние остатки демократических свобод, превратила в фикцию и конституцию, и права законодательных органов, ликвидировала в конечном итоге и республику, но которая вместе с тем закрепила и упрочила все социальные завоевания революции, выгодные буржуазии и зажиточному крестьянству. Столь же двойственную роль играл этот режим и на международной арене. В ожесточенной борьбе с коалициями европейских монархий (по меньшей мере на ее начальных этапах) наполеоновская Франция не только грабила страны Западной Европы, не только захватывала их территории, но и подрывала в них феодальные отношения, способствовала утверждению в них буржуазного строя. Яркую и точную характеристику этой эпохи дал В. И. Ленин, который писал: «Империалистские войны Наполеона продолжались много лет, захватили целую эпоху, показали необыкновенно сложную сеть сплетающихся империалистских отношений с национально-освободительными движениями. И в результате истории шла через всю эту необычно богатую войнами и трагедиями (трагедиями целых народов) эпоху вперед от феодализма — к «свободному» капитализму».⁵⁰

Революция конца XVIII в. во Франции знаменовала собой крутой поворот не только в истории этой страны, но и во всемирной истории — поворот от феодализма и абсолютизма к капитализму и буржуазной демократии. Ее место в марксистской схеме периодизации всемирной истории ясно и четко определил В. И. Ленин, который писал: «Новую эпоху в истории челове-

⁴⁸ Лукин Н. М. Альбер Матъез. С. 72.

⁴⁹ Собуль А. Первая республика 1792—1804. М., 1974. С. 121, 104.

⁵⁰ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 35. С. 382—383 (империалистскими войнами Ленин называл здесь грабительские, захватнические войны вообще).

чества открыла великая французская революция», уточняя, что содержанием этой эпохи было «свержение абсолютизма и феодализма, подрыв их, свержение чужденационального гнета».⁵¹

В. И. Ленин выделял три эпохи в развитии человечества со времени Французской революции: 1) 1789—1871 гг., 2) 1871—1917 гг., 3) с 1917 г. Эпоху 1789—1871 гг. он характеризовал так: «Это — восходящая линия буржуазии, эпоха буржуазно-демократических движений вообще, буржуазно-национальных в частности, эпоха быстрой ломки переживших себя феодально-абсолютистских учреждений». Эпоха с 1871 г. — «эпоха полного господства и упадка буржуазии, эпоха перехода от прогрессивной буржуазии к реакционному и реакционнейшему финансовому капиталу».⁵² А вот ленинская характеристика эпохи с 1917 г.: «Уничтожение капитализма и его следов, введение основ коммунистического порядка составляет содержание начавшейся теперь новой эпохи всемирной истории».⁵³

Совершенно очевидно, что В. И. Ленин видел во Французской революции конца XVIII в. грань всемирно-исторической важности между двумя эпохами — эпохой феодализма и эпохой капитализма, как в Октябрьской революции 1917 г. в России — начало перехода от капитализма к социализму во всемирном масштабе.

С начала 40-х годов в нашей исторической литературе получила широкое распространение иная точка зрения по вопросу о том, какое же историческое событие знаменует собой переход от феодализма к новому, капиталистическому строю. Таким событием была признана английская революция XVII в. как якобы «положившая конец феодальной формации в Англии и открывшая эру господства капитализма».⁵⁴

При этом игнорировалось то обстоятельство, что английская революция XVII в., во-первых, не привела к установлению «чистого» (по выражению Ф. Энгельса) политического господства буржуазии, во-вторых, ничего не изменила в положении крестьян, которые как были, так и остались держателями земли на феодальном праве (копигольдерами).

В принятой у нас системе исторической периодизации выделяется период с 1640 г. по 1870 г., который характеризуется как «период победы и утверждения капитализма в передовых странах». Хронологические рамки этого периода определены явно неудачно, так как здесь не расчленены две качественно различные эпохи в развитии капитализма, гранью между которыми является конец XVIII в. Это уже не говоря о том, что при таком делении Великая французская революция явно утра-

чивает значение исторического рубежа эпохального значения, каким его считал В. И. Ленин.

Еще К. Маркс указал на XVI век как на «начало капиталистической эры»⁵⁵ и ясно и точно определил хронологические рамки так называемого «мануфактурного периода», т. е. той стадии, когда капитализм развивался лишь в качестве одного из укладов разлагающегося феодального общества: «приблизительно с половины XVI столетия до последней трети XVIII».⁵⁶

Для «мануфактурного периода» характерны ранние буржуазные революции (Реформация и крестьянская война в Германии, Нидерландская революция XVI в., английская революция XVII в.), которые все в той или иной мере подрывали феодальные порядки, но ни одна из которых еще не знаменовала собой превращения капитализма из уклада разлагающегося феодального общества в господствующий способ производства.

В схеме исторической периодизации, выработанной историками ГДР, место Французской революции 1789 г. определено гораздо более точно. «Распад феодализма, возникновение и развитие мануфактурного капитализма и первые буржуазные революции (70-е годы XV в. — 1789); победа и упрочение капитализма в передовых странах (1789—1871 гг.)» — так расчленяется этот отрезок всемирной истории в коллективном труде «Классовая борьба. Традиции. Социализм», вышедшем в 1974 г.⁵⁷

Эта периодизация полностью соответствует ленинскому пониманию Французской революции конца XVIII в. как глубокого социального переворота, открывшего собой эпоху крушения феодализма и утверждения более передового общественного строя — строя капитализма и буржуазной демократии.

Такой эта революция вошла во всемирную историю и такой в ней останется, несмотря на все попытки современных буржуазных «реинтерпретаторов» исказить ее подлинное историческое значение и сущность.

За последние два-три десятилетия изучение фактической истории Французской революции продвинулось далеко вперед, в том числе и усилиями лучших представителей немарксистской исторической мысли, каким был, например, Ж. Лефевр. Выявлены новые исторические факты, новые материалы, остававшиеся неизвестными предшествующим поколениям ученых и заставившие по-новому взглянуть на ряд конкретных явлений и проблем того времени. Особенно велики успехи в изучении народных движений эпохи революции, достигнутые прежде всего благодаря трудам историков-марксистов, как зарубежных (А. Собуль, В. Марков, Ж. Рюде и др.), так и советских

⁵¹ Там же. Т. 26. С. 311—312.

⁵² Там же. С. 143.

⁵³ Там же. Т. 41. С. 425.

⁵⁴ Английская буржуазная революция XVII века / Под ред. Е. А. Косминского, Я. А. Левицкого. Т. 1. М., 1954. С. 16.

⁵⁵ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 23. С. 728.

⁵⁶ Там же. С. 348.

⁵⁷ Klassenkampf. Tradition. Sozialismus. Berlin, 1974.

(А. В. Адо, А. Д. Люблинская, А. Р. Иоаннисян и др.). «В итоге впервые с такой полнотой и конкретностью были показаны самостоятельные, специфические устремления и революционные действия народных низов во время революции, сила их социально-уравнительного порыва, его несовместимость с интересами и желаниями всех имущих, включая и наиболее передовые в политическом плане элементы французской буржуазии».⁵⁸

Эти слова нашего выдающегося знатока аграрной истории Франции XVIII в. дают ясное представление о том новом, что характерно для современной марксистской историографии Французской революции.

⁵⁸ Адо А. В. Буржуазная ревизия истории Французской революции XVIII в. // Социальные движения и борьба идей. М., 1982. С. 55.

Тематически связанные материалы

В.Ревуненков. Проблемы якобинской диктатуры в новейших работах советских историков
http://vive-liberta.narod.ru/journal/fe_70_jacobdict.htm#1967

Проблемы якобинской диктатуры:

Симпозиум в секторе истории Франции
Института всеобщей истории АН СССР 20-21 мая 1970 г.
http://vive-liberta.narod.ru/journal/fe_70_jacobdict.htm

Е.Черняк. 1794 год: актуальные проблемы исследования Великой французской революции
http://vive-liberta.narod.ru/journal/tchernyak_fe-87.pdf

В.Ревуненков. К истории споров о Великой французской революции
http://vive-liberta.narod.ru/journal/fe_70_jacobdict.htm#1989

Якобинство в исторических итогах Великой французской революции: традиции и этапы изучения проблемы
http://vive-liberta.narod.ru/journal/fe_70_jacobdict.htm#1995

С.Летчфорд. В.Ревуненков против «московской школы»:
дискуссия о якобинской диктатуре
<http://vive-liberta.narod.ru/journal/revunenkov.pdf>